

Константин ПОЗДНЯЕВ

НА ПЕРВОМ съезде советских писателей (1934) Николай Иванович Бухарин (он делал основной доклад по поэзии) сказал о Борисе Корнилове: «У него есть крепкая хватка поэтического образа и ритма, тягловая поэтическая поступь, яркость и насыщенность метафоры и подлинная страсть... У него «крепко сшитое» мировоззрение и каменная скала уверенности в победе...»

Последний — одиннадцатый! — сборник «Новое» Корнилов выпустил в 1935 году. В 1936-м — создал цикл удивительно светлых, жизнеутверждающих стихотворений о Пушкине. Но наступил 1937-й...

20 лет имя поэта Корнилова состояло под запретом. Книги его внесли в список подлежащих изъятию, и они исчезли с полок библиотек.

В 1957 году Корнилов был реабилитирован («за отсутствием состава преступления»). В том же году мать поэта Таисья Михайловна получила «Свидетельство о смерти», в котором значилось: «Гр. Корнилов Борис Петрович умер 20/XI 1938 г., возраст 31 год. Причина смерти — нет сведений... Место смерти: город, селение (прочерк), район (прочерк), область, край, республика (прочерк). Место регистрации: ЗАГС Куйбышевского района г. Ленинграда».

От имени Комиссии по литературному наследию Б. П. Корнилова я направил в Управление КГБ по Ленинградской области запрос об обстоятельствах ареста и смерти поэта. Ответ, подписанный заместителем начальника управления, пришел через месяц: «Корнилов Б. П. был арестован 19 марта 1937 г. в Ленинграде... приговорен к исключительной мере наказания... Приговор приведен в исполнение 20 февраля 1938 г. в Ленинграде... По имеющимся сведениям, жертвы репрессий периода 30—40-х и начала 50-х годов, начиная с лета 1937 г., захоронивались в районе п. Левашово, Выборгского р-на, г. Ленинграда».

ТЕПЕРЬ кратко — о событиях, происшедшем несколько раньше того, как я послал свой первый запрос в КГБ.

Живет в Семенове краевед Карп Васильевич Ефимов. Он влюблен в стихи Корнилова, неутомимо собирает все, что помогает увековечить память поэта. Заручившись письмом от районной газеты, Карп Васильевич поехал в Ленинград и добился приема в управлении КГБ. На интересовавшие его вопросы был дан официальный ответ. Но этого Ефимову было мало. Человек настойчивый, он выхлопотал разрешение ознакомиться со следственным делом и еще раз съездил в Ленинград.

Результат поездки — копии протоколов всех допросов Корнилова, обвинительного заключения и приговора, которые сейчас находятся в Семеновском краеведческом музее, а также у Ефимова и у меня.

Грустно читать документы «Дела № 23299»! Составлялись

они «применительно к подлости», да к тому же еще абсолютно невежественными людьми.

Посмотрите, какие формулировки содержатся в ответах Корнилова на вопросы следователя:

«...Я высказывал свои контрреволюционные взгляды». «Кроме того, я являюсь автором ряда контрреволюционных произведений, к числу которых от-

защитностью».

Это все — после четырех суток отказа в пище и сне...

Николай Заболоцкого не расстреляли, он выжил и смог рассказать нам о том, как его «допрашивали». Но следователем у Корнилова был тот же самый младший лейтенант Лупандин! Именно он вел первые четыре допроса. В документах дела это зафиксировано.

Основанием для выписки ордера на арест поэта послужило «Постановление от 19 марта 1937 года» (составил Лупандин). В нем было сказано, что

— выяснение отношений Корнилова с Павлом Васильевым, Ярославом Смеляковым, Иваном Приблудным и некоторыми другими литераторами. Корнилов знал, что Васильев и Смеляков репрессированы (что и отмечено в протоколе). Видимо, в силу этого в характеристике бесед с ними введены (безусловно, не без «помощи» следователя) «обличительного рода» обороты речи: «враждебное отношение», «контрреволюционно высказывался», «отстаивал развитие индивидуального хозяйства на капиталистический лад»

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО № 23299

Правда о смерти поэта Бориса Корнилова

носятся: «Елка», «Чаепитие», «Прадед», «У меня были и вплоть до ареста сохранялись кулацкие взгляды». «... беседы были насыщены непримиримой злобой против сталинского Центрального Комитета ВКП(б)...»

И так — из протокола в протокол!

Совершенно очевидно, что следователь оговаривал арестованного, самовольно вписывая в ответы Корнилова «изобличающие» его слова и выражения.

Возникает вопрос: почему же поэт не сопротивлялся произволу? Почему в конце протоколов (после дежурной фразы: «Записано с моих слов верно и мною лично прочитано») ставил свою подпись? Ответ есть. И безошибочный. Я нашел его после прочтения книги Николая Заболоцкого «История моего заключения».

Заболоцкий был арестован 19 марта 1938 года и попал в тот же ДПЗ, что и Корнилов. «Допрос, — пишет Заболоцкий, — велся, главным образом, в кабинете моего следователя Лупандина (Николая Николаевича) и его заместителя Меркурьева». Брань, крик, угрозы, зверские избивания, циничные реплики («Действие конституции кончается у нашего порога») — вот стиль «общения» этих садистов с подследственными, стиль их «допросов». Не буду широко цитировать то, что поведал Заболоцкий об истязаниях над ним, — приведу лишь несколько строк: «Наконец, меня вытолкнули в другую комнату. Оглушенный ударом сзади, я упал, стал подниматься, но последовал второй удар в лицо. Я потерял сознание. Очнувшись, захлебываясь от воды, которую кто-то лил на меня. Меня подняли на руки и, мне показалось, начали срыгивать с меня одежду. Я снова потерял сознание. Едва пришел в себя, как какие-то неизвестные парни поволокли меня по каменным коридорам тюрьмы, избивая меня и издеваясь над моей без-

Корнилов «достаточно изобличается» в активной контрреволюционной деятельности («является автором контрреволюционных произведений и распространяет их»). Никаких других политических обвинений в постановлении не содержалось. Нет их и в протоколе первого допроса от 20 марта.

В протоколе второго допроса (от 27 марта) о стихах нет ни слова. Там уже «заход с другого конца»: просматриваются явные попытки вырвать у Корнилова признание в принадлежности к троцкистской террористической организации. Об этом и лишь об этом идет речь. Чувствуется, что «шется» дело, связанное с убийством С. М. Кирова. Лупандин спрашивает: «Где вы находились 1 декабря 1934 года» (Эка, когда спохватились выяснять, — через три с лишним года!). Корнилов отвечает: «В ночь с 1 на 2 декабря 1934 года мы с Горбачевым Г. Е. возвращались из Свирьстрой, куда мы ездили на литературный вечер. Приехав в Ленинград, мы с Горбачевым зашли ко мне домой, где узнали об убийстве С. М. Кирова...» Следователь выясняет, с кем из близких Горбачеву (он вскоре был арестован) людей общался Корнилов.

В протоколе третьего допроса (от 4 апреля) Лупандин уже задает вопрос в лоб: «Из ваших показаний явствует, что вы являлись участником бесед на контрреволюционные темы, в которых высказывались террористические настроения. Следовательно, вы также являлись участником троцкистско-зиновьевской террористической организации?» Корнилов принадлежит к ней решительно отрицает.

В протоколе от 19 апреля (вел его Лупандин) и в протоколе от 19 мая (следователем не указан) нет уже никакого упоминания о троцкистском терроризме. Здесь в центре допроса



и т. п. Что касается Ивана Приблудного, присутствовавшего «на одном из контрреволюционных сборищ», то Корнилов явно старался не навредить товарищу: боялся, как бы ненароком не «потопить» его. Следователь спрашивает: «Приблудный Иван тоже принимал участие в вашей беседе на контрреволюционные темы?». Ответ Корнилова: «Нет, он сидел и молчал».

ПОСЛЕ 19 мая Бориса Петровича на допрос не вызвали до 3 июля (45 дней). А когда вызвали, следователь уже был другой — «повыше рангом»: не оперуполномоченный 5-го отделения IV отдела Лупандин, а пом. начальника 10-го отделения IV отдела Резник.

Почему так долго не допрашивали Корнилова? Может, потому, что Лупандин зверски избивал его, и Корнилов после побоев попал (подобно Заболоцкому) в тюремную больницу? Но почему тогда от столь «опытного» следователя поэта передали Резнику? Он что — еще более «опытный» и уж наверняка «выбьет» из подследственного «нужное признание»?

По жесткости первого же вопроса Резника, а, главное, по ответу Корнилова чувствую:

что-то есть «за гранью протокола», что-то умалчивается. Резник начинает.

«4 апреля 1937 года вы, принимая участие на контрреволюционных сборищах Горбачева, на которых в вашем присутствии обсуждались с контрреволюционных позиций мероприятия правительства и ВКП(б) и выражались террористические настроения участников троцкистско-зиновьевской организации, вы отрицали, что являлись также участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации. Вы будете отрицать и сегодня свою контрреволюционную деятельность, как участника организации?»

Вас нестораживает такая постановка вопроса: «Вы будете отрицать и сегодня?.. Менястораживает. Впрочем,стораживает и то, что Корнилов,будто защищаясь от удара, сразу и с каким-то отчаянием выдал из себя: «Нет, я вынужден признать...»

На мой взгляд, за словом «вынужден», которое Резник неосмотрительно перенес из уст Корнилова в протокол, скрывается многое. Доконали поэта, доконали! Наверняка применяли те же «методы допроса», что и к Заболоцкому!

Пожалуй, самое удивительное в этом протоколе, как, впрочем, и в других документах следствия, — то, что ровным счетом ничего не говорится о связях Корнилова с Николаем Ивановичем Бухариным. Был ли знаком поэт с Каменевым, — об этом дотошные следователи спрашивали (и Корнилов ответил, что не был), а вот был ли он знаком с Бухариным, — не поинтересовались. Неужели они не знали, что Бухарин дал высокую оценку творчеству Корнилова на съезде писателей, что поэт и спецкор «Известий» был «запросом вхож» в его кабинет, кабинет отв. редактора газеты ВЦИК, что именно в газете Бухарина было напечатано множество стихотворений Корнилова, в том числе и такое «кромольное», как «Прадед»? Выходит, не знали? Какое дремучее бескультурье!

После «честного признания» Корнилова «не беспокоили» до 2 января 1938 года (6 месяцев!). Только тогда был составлен седьмой (чрезвычайно обширный) протокол. Он вообрал в себя все, что было в предыдущих протоколах. Главное — констатация того, что в троцкистскую террористическую организацию Корнилов был завербован в 1930 году. Но, на всякий случай, упоминались и «кромольные» стихи. Подпись Корнилова под этим протоколом нет. Почему?

Как бы там ни было, 13 февраля 1938 года, на основании этого итогового протокола Резник составил уже и обвинительное заключение, которое утвердил зам. нач. УНКВД Ленинградской области Шапиро (попутно отмечу, что Н. И. Бухарин был расстрелян ровно через месяц — 13 марта 1938 года). В этом заключении прямо было сказано, что Корнилов принадлежал к троцкистской террористической организации, «которая совершила 1 декабрь

1934 года убийство С. М. Кирова», и дело его «подлежит рассмотрению Военной коллегии Верховного суда СССР в порядке закона от 1 декабря 1934 года».

А закон предписывал: слушание дела заканчивать в срок не более десяти дней; обвинительное заключение вручать за одни сутки до рассмотрения дела в суде; дело слушать без участия сторон (то есть без прокурора и защитника); кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать; приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора.

ТАК ВСЕ и произошло.

19 февраля познакомили Корнилова с обвинительным заключением, 20 февраля в 13.00 на короткое провели закрытое судебное заседание, вынесли приговор и в тот же день расстреляли. Короче говоря, с 3 июля до 13 февраля не проявляли даже признаков какой-либо торопливости, а потом все вокруг Корнилова лихорадочно закрутилось, и его жизнь оборвалась.

Объяснить, почему «закрутилось», до последнего времени было трудно, ибо никто, кроме посвященных, не знал о документах с грифом «строго секретно», хранившихся в президентском архиве. Сейчас они опубликованы. Оказывается, 31 января 1938 года появилось за подписью Сталина решение Политбюро «Об антисоветских элементах». Для некоторых краев, областей и республик, по предложению НКВД, были утверждены «дополнительные лимиты (!), подлежащих репрессии бывших кулаков, уголовников и активного антисоветского элемента».

Согласно прилагавшейся «разнарядке», Ленинградской области «дополнительного лимита по 2-й категории» (лагеря и тюрьмы) не дали, а «дополнительный лимит по 1-й категории» (расстрел) был утвержден в количестве 3.000 человек.

Набирая «с бору по сосенке» жертвы для этой «операции», Резник и Шапиро сымпровизировали — решили втиснуть в «мясорубку» и Корнилова.

Вот почему он обвинялся уже не по статье 58, пункт 10 (как записано в постановлении от 19 марта 1937 года, дававшем право выписать ордер на арест), а по статье 58, пункт 8 и 11 (как записано в обвинительном заключении). «Передвинули!». И расстреляли.

Читатели могут спросить: но почему же не расстреляли Николая Заболоцкого?

Отвечу: по чистой случайности. Он был арестован позже Корнилова; приговор (5 лет лагеря) выносило ему Особое совещание (то есть без суда), и свершилось это в ту пору, когда «лимит» по 1-й категории был уже исчерпан с лихвой.

Константин Иванович ПОЗДНЯЕВ — литературный критик и публицист. Родился в 1911 г. Участник Великой Отечественной войны. С 1963 по 1973 г. — главный редактор еженедельника «Литературная Россия». Автор ряда книг и множества статей о русской поэзии XX века.